

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — о природе власти в России, ее эволюции на протяжении более чем пяти столетий, ее реформаторских возможностях. В центре внимания авторов — не только подготовленные и осуществленные, но и не состоявшиеся проекты государственных преобразований, намечавших иные пути развития государства и общества.

Хотя книга посвящена истории реформирования российской государственности, авторы надеются, что она может способствовать пониманию происхождения и особенностей такого важного события начала XX столетия, как русская революция. Авторы не ставили перед собой задачу изучения революционного процесса в России, однако они рассматривают реформы как альтернативу революции.¹ Именно реформы — наряду с текущим законодательством — призваны обеспечивать естественное развитие государственного организма. Реформы восполняют пробелы в текущем законодательстве и корректируют его, создают условия для разрешения социальных конфликтов, для необходимой и своевременной трансформации власти. Проведение запоздалых и не отвечающих потребностям времени реформ ведет к кризису власти, а ее неспособность выйти из кризиса влечет за собой нарушение политической стабильности.

Авторы исследовали возникновение и развитие самодержавия как присущей России формы государственной власти, рост, кризис и гибель Российской империи, влияние имперских традиций на государственную систему, сложившуюся в России в результате революции 1917 г.

Вторая половина XV—XVII век — период становления и укрепления самодержавия в России. Процесс централизации власти, уничтожение городских республик Новгорода и Пскова, отказ от реформ, террор в форме опричнины привели к общенационально-

¹ Эта тема получила развитие на состоявшемся в июне 1990 г. в Санкт-Петербурге международном коллоквиуме историков. См.: Реформы или Революция? Россия 1861—1919. Материалы Международного коллоквиума историков. Редакционная коллегия: Д. Гайер (Германия) и др. СПб., 1992.

му кризису и гражданской войне начала XVII в. Весь XVII век был ознаменован усилением крепостничества и попытками утвердить государственность деспотического типа. Эти явления оказали влияние и на характер петровских реформ. Они основывались на территориальных приобретениях XV—XVII вв., крепостничество и в то же время обозначали переход от восточного к европейскому типу государственности. Начатая Петром I европеизация страны имела огромное значение для судей России, но протекала в условиях тяжелых войн, носила форсированный характер, сопровождалась ломкой старых обычаев и порядков. Создание империи и ее рост были связаны с предельным напряжением платежных сил крестьянского и городского населения, суровой воинской повинностью, ограничением свободы передвижения. Наряду с крепостным правом паспортная и рекрутская реформы Петра I, введение им подушной подати на столетия определили бесправное положение российского крестьянства. Смерть Петра I оборвала начатые им реформы. Россия вступила в пору дворцовых переворотов и застоя.

После неудачной попытки «верховников» в 1730 г. заставить Анну Ивановну подписать «коандиции» и таким образом ограничить императорскую власть ее укрепление и централизация шли параллельно с территориальным ростом империи.

Только с вступлением на престол Екатерины II реформаторский процесс возобновился и принял столь же значительный размах, как и в петровское царствование. Впервые была сделана попытка придать самодержавию облик просвещенной монархии.

Великая французская революция поставила перед властью и обществом в России вопрос о цене прогресса, правах личности, социальной справедливости, представительных учреждениях. В конце XVIII в. в Европе зарождаются идеи правового государства. Они начинают проникать и в Россию.

В значительной степени под влиянием французской революции русское общество раскололось на западников, считавших, что Россия должна совершенствовать свою государственность с учетом перемен, происходивших в Европе, и славянофилов — сторонников самобытного развития страны, консервации самодержавной формы правления, возвращения к опыту и традициям допетровской Руси. Тема самобытности России получила свое обоснование уже в первой половине XIX в. в сочинениях Н. М. Карамзина и стала важным фактором при определении правительством реформаторского курса.

В начале XIX столетия империя, постоянно расширяясь, превратилась в качественно новое образование. Присоединение новых территорий с разноклассовым населением вновь выдвинуло в начале XIX в. во внутренней политике правительства ряд проблем, требовавших срочного и радикального разрешения: национальную, взаимоотношений окраин и центра, реорганизации системы управления. Правительство Александра I отдавало себе отчет в необходимости реформ: отмены крепостного права, модернизации экономики, введения конституции и гражданских свобод. В связи

с этим разрабатывались, часто по указанию императора, соответствующие реформаторские проекты.

Александр I располагал достаточно радикальными и хорошо подготовленными проектами государственного переустройства. Их реализация, вслед за реформами Петра I и Екатерины II, открыла бы дорогу для дальнейшей трансформации власти и демократизации государственного управления. Казалось бы, Россия, разгромив армию Наполеона I, могла продемонстрировать Европе способность без революционных потрясений начать движение к правовому государствству. Однако Александр I не решился на проведение кардинальных реформ. Он готов был предоставить конституцию Финляндии или Польше и выступать в Варшаве с либеральными речами, но в самой России слово «конституция» продолжало оставаться под запретом.

В первой четверти XIX в. в общественном и государственном развитии России явно обозначилась альтернатива — реформы или революция. Николай I, напуганный восстанием 14 декабря 1825 г., не только всячески боролся против угрозы революции, но и отказался от преобразований западноевропейского типа. В качестве официальной была принята доктрина самобытного пути развития России. Формула «православие, самодержавие, народность» определяла правительенную идеологию. В правящих кругах сознавали несовершенство существующего порядка вещей. Однако обсуждение возможных преобразований если и происходило, то только в рамках секретных комитетов. Попытки найти решение крестьянского вопроса имели следствием лишь ограниченную по результатам реформу казенной деревни. Царствование Николая I вошло в историю России как период тридцатилетнего застоя. В начале XIX в. ведущие европейские страны сделали стремительный скачок в своем развитии, оставив Россию далеко позади. Крымская война обнаружила всю глубину отставания России. Она оказалась перед угрозой утраты своего влияния в Европе и превращения во второстепенную державу.

Великие реформы 1860—1870-х годов представляли собой попытку правительства Александра II выйти из кризиса. Движение против застоя и за реформы было начато либерально настроенной дворянской интеллигенцией уже в середине 1850-х годов. Реформы породили целую плеяду видных бюрократов-реформаторов. Они открыли дорогу буржуазным преобразованиям в экономике, судопроизводстве. Было покончено с крепостным правом. Однако и после проведения реформ Россия оставалась страной с самодержавной формой правления. Не были созданы представительные учреждения, объединенное правительство (Совет или Кабинет министров), сохранялась сословная система, общинное землевладение с круговой порукой, мешавшие свободному развитию сельского хозяйства. В правящих кругах России не утихала борьба между сторонниками и противниками углубления реформаторского процесса. Победа сторонников самобытного развития России способствовала его торможению и свертыванию в середине 1880-х годов. В царствование Александра III в качестве официальной доктрины

была принята теория «народного самодержавия», объявленного самой совершенной формой государственного устройства.

Годы 1891—1892 гг., потрясший Россию, подтолкнули правительство в конце 1890-х годов к новым реформам. Существовало несколько концепций их проведения. По мнению председателя Комитета министров Н. Х. Бунге, для успешного развития народного хозяйства необходимо было произвести изменения в государственном управлении. Он был сторонником широкого поощрения частной инициативы и сокращения казенного хозяйства. В отличие от Бунге министр финансов С. Ю. Витте выступал за государственное вмешательство в экономику и считал необходимым использовать именно высокую концентрацию власти в качестве рычага для проведения ускоренной индустриализации. Витте обещал, что в течение двух пятилетий Россия догонит передовые европейские страны в экономическом отношении. Реформы Витте (введение золотого денежного обращения, винной монополии, промыслового налога, привлечение иностранных капиталов) подтолкнули экономическое развитие страны. Однако мировой экономический кризис, русско-японская война и последовавшая за ней революция вынудили правительство отказаться от проведения эксперимента ускоренной индустриализации.

В начале XX в. реформы проводились в России уже в условиях революции и отчасти под ее влиянием. С. Ю. Витте и П. А. Столыпин — самые значительные фигуры среди реформаторов этого периода. В России появилось представительное учреждение в виде Государственной Думы, было создано объединенное правительство, хотя и не ответственное перед Думой, была проведена аграрная реформа. В сущности, это были попытки завершения реформ 1860—1870-х годов.

Однако и реформаторство начала XX в. носило ограниченный характер и оказалось неспособным остановить революционный процесс. Вопрос — реформы или революция — в условиях первой мировой войны решился в пользу революции.

* * *

Реформаторский опыт в России показывает, что императоры, независимо от того, придерживались ли они западнической или славянофильской ориентации, исключали возможность изменения природы самодержавной власти, ее реформирования.

«Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками... Английская вольность здесь неуместна, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оним управлять», — заявлял Петр I.² «У нас не Англия..., — написал в 1811 г. Н. М. Карамзин. — В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола, — так и монарх в иных случаях

² См.: Нартов А. Рассказы о Петре Великом // Подг. Л. Н. Майков. СПб., 1891. С. 82.

Глава 1

АЛЕКСАНДР II КАК РЕФОРМАТОР. УЧАСТИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЛАХ

*Александр II. — Императрица и наследник престола. — Великие князья. —
Государственное управление.*

Царствование Александра II поразительно непохоже на царствование его отца, Николая I, а между тем они протекали, сменив одно другое, при том же государственном строе и под сенью тома I, раздела 1-го, Свода законов Российской империи — раздела, называвшегося «О священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти». (О священных обязанностях российского монарха речи не было, это была категория религиозно-нравственная, но не правовая). Ст. 1 этого раздела гласила: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть, само Бог повелевает». И еще: «Империя Российская управляема на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих». «Власть управления во всем ее пространстве принадлежит государю».¹ Эти главные правовые основания самодержавия продолжали существовать и сохранять юрисдикцию в стране, прошедшей совершенно новый для себя путь за сравнительно короткий срок. Между тем наследственная монархия подразумевает преемственность в политике или по крайней мере в ее принципах, и сам Александр II, вступив на престол, в манифесте о воцарении ее декларировал, заявив о готовности поднять Россию на высшую ступень славы и могущества, исполнив «постоянные желания и виды» Петра I, Екатерины II, Александра I и «незабвенного родителя».² Такова была не только традиция, но и сама логика наследственной монархии, передававшей от отца к сыну государственную власть в качестве части семейного достояния. Однако формальное заявление о преемственности оказалось в большей части лишь декларацией.

Контрастность реформаторского правления Александра II (особенно первой половины 1860-х годов, когда крупные преобразования следовали одно за другим) по отношению к николаевской эпохе была особенно разительной потому, что во второй четверти XIX в. принцип личной неограниченной власти был доведен до последней

¹ Свод законов. 1832. Т. 1. Ст. 47, 80.

² ПСЗII. Т. 30. № 29043.

черты, оказался реализован полностью. За той чертой был возможен только взрыв, а потому правление Александра II было, с одной стороны, возвращением к более гибкой и маневренной политике, которую демонстрировали Екатерина II и Александр I, с другой — осуществлением уже поставленных жизнью и обществом и обсужденных, но отложенных реформ. Неограниченная монархия как форма правления имела для проведения преобразований многие преимущества: возможность скорого принятия единоличных, ни с кем не согласуемых решений исходя из понимания властью общего государственных интересов, непрекаемость кадрового обновления, подталкивания законодательного и исполнительного процессов, подчинения всей управляемой структуры решению поставленной задачи. По характеру своему и политическому опыту Александр II не был ни лидером, ни реформатором. Его сделала преобразователем сложившаяся в России обстановка и настроения общества. Александр II был человеком средних способностей. Из дневника его воспитателя К. К. Мердера известно, что в тройке учеников, составлявших «класс» наследника престола, будущий царь неизменно занимал середину между способным И. М. Виельгорским и отстающим в науках А. В. Паткулем.³ Будучи человеком несравненно более мягким, нежели его отец, и выступая ходатаем и за декабристов, и за посаженного на гауптвахту И. С. Тургенева, наследник в действиях своих вовсе не обнаруживал стремления к нововведениям. В 1861 г. П. А. Валуев, к которому попали бумаги секретного Комитета 1854 г. (так называемого Инвентарного комитета), рассматривавшего подходы к преобразованию крепостного права, с интересом обнаружил, что Александр II сравнительно недавно еще был за то, чтобы ничего не предпринимать в этом сложном деле. «Замечательно, что в то время государь император действовал и говорил именно так, как он в последние два года не одобрял, чтобы говорили другие», — писал он по поводу этой переориентации императора.⁴ Александр II вовсе не вынашивал преобразовательных планов в период наследничества — он их не имел, и вовсе не явился на императорский престол готовым царем-реформатором. Правда, в период наследничества ему были даны представления о долге самодержца в добродетельно-христианском смысле его наставником В. А. Жуковским. Одним из наиболее часто употребляемых Александром II выражений были слова: «с Божьей помощью». Но, как наставлял его Жуковский, «Бог помогает только тем из царей и детей царских, которые ... творят Его, а не свою волю и, признавая себя представителями Божими на земле, видят в этом звании не свое неограниченное полновластие (весьма легко обращающееся в самовласть), а уничтожение воли своей перед высшем». ⁵ Ошибочность политики Николая I стала проявляться с какой-то неприкрытой жестокостью с 1853 г., с самого начала Крымской войны. И наследник престола прошел — вместе с сознательной частью российского общества — путь постижения пагуб-

³ РС. 1885. Июнь. С. 488, 490 и др.

⁴ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 58.

⁵ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. СПб., 1902. Т. 6. С. 493.

ных сторон политики диктата и «подмораживания» страны в ок [ружении] быстро развивающихся европейских соседей. Более толерантный, менее связанный ответственностью за политику, чем император, он оказался скорее доступен воздействию общественного мнения. На заседании с министрами при обсуждении военного и внешнеполитического вопросов новый царь выслушал от осмелевших глав ведомств горькую истину о невозможности для России продолжать войну, о бесперспективности ее.⁶ Когда С. Ю. Витте много лет спустя писал: «Крымская война открыла глаза наиболее зрячим»,⁷ — то он только передавал общепринятое мнение современников. Вся тяжесть положения нового императора, Александра II, многими осознаваемая, была, в частности, выражена много позже И. С. Аксаковым, написавшим: «Но каково же было положение нового царя, внезапно принявшего скипетр в эту минуту страшного кризиса? Кто не был свидетелем этой поры, тому и не представить себе — каким движением внезапно была объята Россия. Откуда ни возьмись, „общественное мнение“, — которого и существования не подозревали, и в принципе не признавали, — явилось такою неодолимою нравственной силой, которой никак в мире живая, личная власть не могла сопротивляться. Словно неистовством вешних вод прорвало плотину, и помчался бурный мутный поток, неся на хребте — вместо льдин и мусора — протесты, укоры, беспощадную критику прошлого тридцатилетия и бесчисленные предложения реформ».⁸

Перелом в воззрениях нового императора произошел в течение продолжавшейся войны; представления о необходимых преобразованиях складывались параллельно с развитием общественного движения, распространением десятков рукописных записок, в том числе и тех, что начали создаваться в министерской среде, но принадлежали не министрам, а чиновникам «второго эшелона», являвшимся деловым первом каждого ведомства. Д. А. Оболенский, окончивший Училище правоведения и служивший по Министерству юстиции (в Петербургской гражданской палате), рассказывал о последних годах правления Николая I: «Большая часть министров того времени мало занималась делами, сохраняя известный престиж, зависящий от степени их личного фаворитизма, они охотно представляли второстепенным деятелям всю власть и всю работу. При этом они не гнушались и не боялись употреблять людей способных. Во всяком министерстве можно было назвать двух или трех деятелей, которые действовали или в согласии или во вражде между собой, и в таинство этой борьбы были часто посвящены все кружки служащей молодежи. Двор и все приближенные ко двору остались в совершенном неведении того, что происходит вне пределов двора».⁹ Эти чиновники, реально работавшие в министерствах в ни-

⁶ Тарле Е. В. Крымская война // Тарле Е. В. Собр. соч. М., 1959. Т. 9. С. 503—506.

⁷ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 522.

⁸ Аксаков И. С. Соч. М., 1886. Т. 5. С. 164.

⁹ Оболенский Д. А. Мои воспоминания о вел. кн. Елене Павловне // РС. 1909. Март. С. 507.

колаевскую эпоху, и составили в новое царствование то звено, которое смогло осуществить переход деятельности центральных, да и высших государственных учреждений к новой политике. Словом, очевидно, что Александр II вовсе не возглавлял движение за реформы, а оказался внутри него и формировался с ним вместе. Его программа, или представления по крайней мере о комплексе преобразований, складывалась по мере выдвижения отдельных пунктов, блоков, да и целостных программ, многие из которых он прочитал, поскольку часть авторов или писала целенаправленно для него, или стремилась ознакомить со своими сочинениями правительственный верхушку, в том числе самого носителя верховной власти.

Довольно быстрое осознание Александром II и его ближайшим окружением бесперспективности, тупиковости прежней политики произошло в момент, когда новый монарх мог представить себе лишь ближайшие свои шаги: достойный выход из войны, кадровые перемещения, определение планов на будущее. Составить себе точное представление о положении России в этих условиях было необходимо всему обществу, в том числе и императору. Известно, с какой жаждой набросилась российская читающая публика на рукописные записки, распространявшиеся довольно широко, издаваемую за границей российскую публицистику, каким событием стали статьи новых и преобразованных старых журналов. На первых порах эта потребность в знаниях определила терпимое, иногда даже благожелательное отношение Александра II к критическим сочинениям. Было принято благодарить за правду. На всеподданнейший отчет министра внутренних дел за 1855 г. он отзывался пометкой: «Читал с большим любопытством и благодаря в особенности за откровенное изложение всех недостатков, которые с Божией помощью и при общем усердии, надеюсь, с каждым годом будут исправляться».¹⁰

Апогеем этой готовности власти услышать правду о состоянии страны оказался октябрьский циркуляр главы российского флота вел. кн. Константина Николаевича по морскому ведомству, ставивший в пример критическую записку П. А. Валуева «Дума русского» и требовавшего от подчиненных ему следовать. Однако нельзя и преувеличивать готовность Александра II принять критику и советы с легкостью и в полном объеме. Чтение им записок с анализом положения и критикой политики предшествующего периода далеко не всегда сопровождалось выражением благодарности. Неоднократно он отдавал распоряжения о розыске анонимных авторов и привлечении их к ответственности, о создании на границе барьеров для публицистической литературы, печатаемой в Европе, а потому и более свободной и резкой.

Александр II жил в эпоху переходную, и не только жил, но и творил ее, и потому нес на себе и весь груз наследия прошлого, ему дорогого, и тенденции будущего. Отсюда и его противоречивость, и постоянные колебания, и осторожность. «Нынешнее цар-

¹⁰ Татищев С. С. Император Александр II: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 300.

ствование тем отличается, — писала Е. А. Штакеншнейдер 20 марта 1860 г., когда лицо царствования уже стало определяться, — что никто никогда не уверен, что то, что худо или хорошо сегодня, будет худо или хорошо завтра. Государь, конечно, новый человек и либерал и сам, и, должно быть, очень добрый человек, к тому же и чувствительный. Решать и вершить же человеку такого рода очень трудно. Он вечно колеблется. Сегодня огромный шаг вперед, и либералы торжествуют. Но завтра этот шаг кажется уже слишком огромным, и отступают на полшага; потом делают шаг в сторону, и затем еще неуверенность и в промежутках этих колебаний возможность обделывания разных темных дел».¹¹ Эти слова относятся к периоду активной разработки крестьянской реформы, задаче, наиболее трудно разрешимой, вызывавшей и неприятие помещиков, и завышенные ожидания крестьян. Александр II в полной мере осознавал не только болезненность изменения крепостнических отношений, но и поворотное значение этого, и обычно характерная для него как политика и реформатора осторожность здесь была вдвойне естественна. Забота о предотвращении беспорядков занимала его постоянно, и потому еще задолго до 19 февраля 1861 г. он обдумывал меры упрочения власти на местах в виде введения института временных генерал-губернаторств. Когда министр внутренних дел С. С. Ланской представил императору свои возражения на проект создания генерал-губернаторств, император высказал точку зрения, которую можно считать для него принципиальной, проходящей через всю его внутреннюю политику: «Мы не должны от себя скрывать, что Россия входит в новую, еще небывалую эру, и потому на будущее преступно было бы правительству смотреть, так сказать, сложа руки. Так, мы должны быть готовыми ко всему».¹² Другим таким принципом проведения политического курса, исповедовавшимся Александром II, был принцип постепенности. «Не все делать вдруг», — как он неоднократно повторял.¹³

Эта разумная осторожность приводила к тому, что император сравнительно легко соглашался на разработку проблемы, собирание предварительных данных, работу подготовительных комиссий, словом — на тот неизбежный этап работы, который предшествует законодательному процессу. Поэтому в России времен его царствования начинаний было даже больше, чем свершений.

Оказавшись разумным «центристом», император остро нуждался в людях, которые бы приняли на себя роль первого ministra, но отнюдь не с правами, а с обязанностями премьера. Ему хотелось иметь под рукой человека, которому можно было доверять, но который бы не претендовал на самостоятельность и тем более на наличие и осуществление собственной программы. «Существования первого ministра я никогда не допущу», — заявил он в сентябре 1861 г. в ответ на осторожное предложение П. А. Ва-

¹¹ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М., 1934. С. 251.

¹² Цит. по: Татищев С. С. Император Александр II. С. 331.

¹³ Валуев П. А. Дневник: 1847—1860 // РС. 1891. Сентябрь. С. 550.

луева дать министрам возможность проводить совещания.¹⁴ Отсюда частое появление в правящих кругах влиятельных политиков, явно выдвигавшихся на первый план. В конце 50-х годов это был Я. И. Ростовцев, в 1866—1874 гг. — шеф жандармов П. А. Шувалов, во время русско-турецкой войны, когда военные дела оттеснили все другие, — военный министр Д. А. Милютин, в 1880—1881 гг. — М. Т. Лорис-Меликов. О них нередко говорили как о премьер-министрах, но чаще как о «временщиках» или «визирях», державшихся на своем месте только расположением и доверием государя. Как-то министр финансов М. Х. Рейтерн простодушно сказал, что ему нет нужды самому подавать в отставку, ибо государь его просто «прогонит», когда будет недоволен. И государю, по свидетельству его ministra, нравилась такая позиция министров.¹⁵

Помещики часто упрекали Александр II в «антидворянской» политике, что было несправедливо, хотя в 60—70-е годы и не было откровенно протекционистского по отношению к поместному дворянству курса. Отчасти это было связано с хроническим отсутствием средств на поддержку помещиков, но главным образом — со стремлением соблюсти баланс противоположных и взаимозависимых интересов помещиков и крестьян. В ходе подготовки «эмансипации» и после нее император неоднократно заявлял и демонстрировал желание балансировать между этими интересами, стремясь максимально сохранить и прежние доходы помещиков, и одновременно крестьянское землепользование в дореформенном объеме при той же сумме платежей. Когда же в 1866 г. на правительство было оказано давление со стороны защитников помещичьих интересов с целью принудить императора к упразднению Главного комитета об устройстве сельского состояния — арбитра в спорах между помещиками и крестьянами и творца аграрной политики — Александр II решительно воспротивился этому, сказав, что нельзя «слишком явно» становиться на защиту только одной из сторон, да еще и в беспокойное время.¹⁶

Такую же взвешенность проявлял Александр II и в сфере национальной политики. Он начинал в самой горячей тогда точке Российской империи — Царстве Польском — со смягчения отцовского режима и долгое время пытался решить национальную проблему политикой уступок. И только восстание 1863 г. заставило его прибегнуть к мерам чрезвычайным, которые вскоре после подавления восстания были смягчены.

Отменой крепостных отношений, введением нового суда, местного самоуправления, преобразованиями армии и флота, системы народного просвещения (всех ее ступеней), созданием вместо тотальной предварительной цензуры последовательной и т. д. Россия оказалась переведенной на рельсы буржуазного развития. И

¹⁴ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 338. л. 10.

¹⁵ Валуев П. А. Дневник. М., 1961. Т. 2. С. 89.

¹⁶ Там же. С. 126. Подробнее см.: Чернуха В. Г. Из истории государственных учреждений: Главный комитет об устройстве сельского состояния // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 223—249.